

Литература

Смилянская 2003 — Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

Топорков 1998 — Топорков А.Л. Грамота № 521: заговор или любовная записка? // Слово и культура: Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 230—241.

Топорков 1999 — Топорков А.Л. Русские любовные заговоры XIX века // Эрос и порнография в русской культуре. М., 1999. С. 54—71.

Топорков 2001 — Топорков А.Л. Антропимическое пространство Олонекского сборника заговоров XVII века // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. М., 2001. Ч. 2. С. 126—131.

Топорков 2002 — Топорков А.Л. Заговорно-заклинательная поэзия в рукописных традициях восточных и южных славян // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Междунар. съезд славистов (Любляна, август 2003). Докл. рос. делегации. М., 2002. С. 376—393.

Топорков 2002а — Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII—XVIII вв. // Заговорный текст: Генезис и структура: Мат. круглого стола. М., 2002. С. 55—62.

Топорков 2002б — Топорков А.Л. Эпитеты в Олонекском сборнике заговоров XVII века // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 338—376.

Топорков 2003 — Топорков А.Л. Олонекский сборник заговоров как памятник народной культуры XVII века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 1. С. 148—155.

Топорков 2004 — Топорков А.Л. Этимология на службе магии // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н.И. Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 284—294.

Топорков 2005 — Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII—XVIII вв. // Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2005. С. 143—174.

Отреченное чтение 2002 — Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002.

Сокращения

АА — архив автора.

Когда верстался номер, стало известно, что А.Л. Топорков избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Редакция и редколлегия альманаха «Традиционная культура» от всей души поздравляют Андрея Львовича с этим событием.

В.А. ПОЗДЕЕВ

(Киров)

Рецензия на: Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материалах русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). — М.: ГРЦРФ, 2005. — 296 с.

Сравнительно-текстологический метод исследования сказок, детского фольклора и заговоров вошел в арсенал фольклористики довольно давно и стал одним из основных. Однако в научных работах этот метод почти всегда дополняется структурно-семиотическим, типологическим и функциональным. Хотя в последние десятилетия сказка рассматривается со структурно-семиотических позиций, в то же время славянское сказковедение не исчерпало возможностей сравнительного анализа на различных уровнях сказочного текста. Комплексный подход к современной славянской сказочной и заговорной традиции позволяет не только увидеть многообразие и разные стадии тех процессов, которые проходили в прошлом, но и отметить тенденции в современной межэтнической ситуации, в функционировании фольклора.

Одним из наиболее распространенных приемов структурирования текста в указанных жанровых системах является повтор. В монографии И.Ф. Амроян рассматриваются различные типы повторов в структуре текста сказок и заговоров. Выделены основные типы: нанизывание, кумуляция, кольцевой повтор, маятниковый повтор, а также особый прием словесно-текстового уровня — «сквозной эпитет». Анализ каждого типа повторов дает возможность увидеть, как принципы повторяемости становятся определяющими.

Монография является своеобразным продолжением и уточнением некоторых положений, которые автор опубликовала в книге «Типология цепевидных структур» (Тольятти, 2000). Рецензируемое исследование состоит из введения и шести разделов. Во введении И.Ф. Амроян достаточно подробно рассмотрела источники текстов и взгляды ученых,

которые обращались к проблеме повторов в фольклорных жанрах, в основном в сказках: И. Больте, Г. Поливки, С. Томсона, А. Аарне, М. Хаавио, А. Тейлора, Н.П. Андреева, В.Я. Проппа, А.И. Никифорова, Э.В. Померанцевой, Н.М. Ведерниковой, В.П. Аникина, И.И. Крука, А. Кретова, исследовательницы детского фольклора О.И. Капицы. Работ о повторах в заговорах почти нет, хотя автор называет имена В.Н. Топорова, Е.В. Вельмезовой, Л.Н. Виноградской, Т.Н. Свешниковой, В.И. Харитоновой, которые рассматривали этот жанр в различных аспектах.

В первом разделе «Теоретический подход к анализу текста» И.Ф. Амроян, отталкиваясь от специфики фольклорного текста, объясняет свое видение «текста» и «дискурса». По мнению автора, которая опирается на работу М.Я. Дымарского (к сожалению, на работу только этого исследователя), если иметь в виду полноту коммуникативных, экстралингвистических составляющих акта произнесения, то фольклорный текст, например, докучной сказки может быть неполным, если не зафиксирована реакция слушателя. Такие наблюдения приводят к определенному осмыслению процесса текстообразования. В этом плане представлена теория синтаксиса речи, как спонтанной, так и структурированной, в данном случае «художественной», и определены единицы текстообразования. Для анализа фольклорного текста очень важны тема-рематические отношения, которые выделяются внутри сложного синтаксического целого.

Второй раздел «Нанизывание как один из типов структурообразующего повтора» предлагает несколько видов нанизывания: линейное, выделительное, по убывающей, по возрастающей. Основной отличительной чертой нанизывания автор считает обязательное повторное воспроизведение «из трех его основных элементов (субъект — действие — объект или локус)» двух элементов «(субъект + действие или объект (локус) + действие)». При этом образуется «стержень, посредством которого звенья связаны друг с другом и объеди-

няются в цепь» [с. 50]. В нанизывании И.Ф. Амроян выделяет еще несколько типов — это «словесно-текстовое», «сюжетно-композиционное» и «собственно структурное» нанизывание.

Нанизывание на уровне словесно-текстовом — довольно продуктивный прием в сказках и заговорах. Однако, по наблюдениям автора, в сказках он выступает как композиционный прием, а в заговорах — только как структурный. Выстраивание простой линейной темарематической цепи отмечено в сказках «Мена», «Коза», «Лиса-лапотница». В заговорных текстах этот прием имеет свои особенности: они представлены в формулах счета, вытеснения, передачи. Локативная формула в заговорах играет особую роль — она обозначает путь персонажа от начальной точки. Как правило, это путь из реального мира в мир ирреальный, где человек может справиться с болезнью.

Сказки, построенные на сюжетном повторе, относятся к детским. Как отмечает автор, они характерны для русской, чешской и болгарской традиции. Сюжетно-композиционное нанизывание может реализовываться в основном двояко: по модели тема-рематической прогрессии и модели со сквозной темой.

Еще одним важным принципом структурообразующего повтора является кумуляция. Этому принципу посвящен третий раздел «Кумуляция как принцип структурообразующего повтора». С точки зрения И.Ф. Амроян, в основе кумуляции также лежит универсальный принцип нанизывания. От нанизывания его отличает то, что «каждое новое звено возвращает к началу истории, снова и снова повторяются уже известные события, прежде чем к ним присоединится новое описание» [с. 120]. Если повтор звеньев осуществляется в прямой последовательности, то это прямая кумуляция, если же в обратной, то обратная. Прямая кумуляция присутствует в русской сказке «Колобок» (АТ 2025), прием обратной кумуляции — это сказка «Нет козы с орехами» (АТ 1015).

Звенья кумуляции иногда акцентируют внимание не на тех действиях, ко-

торые совершают персонажи, а на их очередном появлении — «Репка» (АТ 2044), но есть сказки, в которых персонажи возникают «как бы ниоткуда» — «Терем мухи» (АТ 283 В*). В основе композиционного принципа этой сказки лежит «нагромождение».

И.Ф. Амроян впервые выделяет в болгарской и русской сказочной традиции особый принцип организации части текста. Этот тип нанизывания она определяет как декумуляцию, потому что при обязательном повторе в новом звене становится на один член меньше — ср., например, сюжет «Пожирание собственных внутренностей» (АТ 21).

Принципиально отличаются от нанизывания и кумуляции кольцевые повторы. В произведениях, организованных по этому принципу, форма имеет определяющее значение. Автор дает определение кольцевого повтора: это «тип повтора, когда каждое последующее звено полностью повторяет предыдущее и в сюжетно-смысловом, и в формальном отношении» [с. 146]. Звенья могут соединяться механически и с помощью логических или семантических связей. Первые два способа чаще всего используются в докучных сказках «Пришел медведь к броду...», «У попа была собака...» и др. Семантическая связь между звеньями преобладает в заговорно-заклинательном акте, так как неоднократно повторение текста, по мнению целителей, усиливает воздействие. Ритуальные действия с какими-либо предметами сопровождаются повтором текста заговора, поэтому возникает некий мегатекст, который приобретает дополнительную усиливающую семантику. Помимо повтора всего текста автор отмечает в заговорной традиции и повтор его части.

Маятниковый повтор используется реже кольцевого, однако в некоторых сказках о животных является основным композиционным принципом. И.Ф. Амроян говорит о маятниковом повторе как о таком типе повтора, при котором «воспроизводятся два равнозначных в формально-смысловом аспекте сегмента текста, образующих между собой бинарную оппозицию по принципу $+/-$ » [с. 166].

На словесно-текстовом уровне может быть использован сквозной эпитет, который и создает принцип повтора. Этот прием характерен только для заговоров. Автор отсылает к работам известного исследователя заговорной традиции Н. Познанского, который видел в повторе эпитета не столько языковой, сколько «конструктивный» прием. Симпатический эпитет характерен для болгарской заговорной традиции. По этому принципу строятся многие тексты. В роли же простого сквозного эпитета могут выступать числительные, а также лексема «чуден» (в лечебных заговорах).

Необходимо согласиться с И.Ф. Амроян в том, что прием структурообразующего повтора в фольклорных текстах многообразен и продуктивен. Общие типологические черты в трех славянских традициях обнаруживаются как в сказках, так и в заговорно-заклинательных текстах. Выводы по разделам кратки, но они несут большую теоретическую нагрузку, так как за ними стоит материал, тщательно проработанный и всесторонне проанализированный. Четкость каждого тезиса, положения и всей системы рассуждения в целом, богатство фактов и методологических наблюдений важны и для других областей теоретической фольклористики.

В приложениях автор дает таблицы: «Распределение отдельных сюжетов сказок по разновидностям приема нанизывания» [с. 201—206], «Использование приема нанизывания акций в качестве частного в сюжетах волшебных сказок» [с. 207—208], «Распределение отдельных сюжетов сказок по разновидностям приема кумуляции» [с. 209—210] и др. Особо выделяется очерк о зеркальном повторе в двухчастной композиции текстов славянских заговоров [с. 225—274]. Это приложение представляет собой самостоятельное исследование в русле заявленной темы.

В целом монографию отличает исторический подход к анализу жанров, их сопоставление в соответствии с национальной традицией и во временной перспективе. Представленная работа имеет большое значение для теоретического осмысления важнейших проблем поэтики славянских сказок и заговоров.